

Елена Баранчикова

Меч Аттилы

Драма в трёх действиях

2015

Действующие лица:

Аттила – предводитель гуннов
Аэций – магистр римской пехоты и конницы, сенатор
Валентиниан – император Рима
Гонория – сестра императора
Онегезия – первый помощник и министр Аттилы
Горбун Зеркан – слуга и шут
Бледа – брат Аттилы
Ильбика – златовласая дочь степей
Наёмник-убийца
Двуглавый языческий бог

(Действие происходит в 434–453 гг. в Риме и во дворце предводителя гуннов Аттилы).

Действие первое

Картина первая

(Римские бани. Помещение для благоволий и принятия пищи. Аттила и Аэций. Курится большая чаша. Аэций держит кубок с вином).

Аэций: Аттила, ты вкусил сладость жизни в Риме. *(Показывает на убранство вокруг).* Дворцы из мрамора, мозаика, лютни, пурпур вина, смех и огни... Власть, золото, любовь – всё теперь у наших ног! До чего же чуден мир! Ты слышишь, как звенит золото? *(Аттила не отвечает).* Я смотрю, ты сегодня неразговорчив... Или тебе нечего сказать? *(Аттила продолжает молчать).* А я люблю играть словами, пускать слова на ветер, как поэт. Ты их лови! *(Подходит к Аттиле).* Если пожелаешь, я научу тебя любить Рим, как женщину, и тогда ты без него уже не сможешь жить. Город вечно будет тебя притягивать. Знаю, он навсегда окажется в твоём сердце, хочешь ты этого или нет. Тот, кто попадает в Рим, станет христианином или умрёт. Берегись, Аттила!

(После паузы вдохновенно). Богач перед смертью торопится раздать всё нажитое. Женщины тоже щедро раздают свои дары направо и налево. Мы берём их с благодарностью. Женщину, как поле, нельзя отставлять незасеянной. Да ты и сам знаешь.

(Пауза). И всё же помни, что жизнь – это наслаждение, и надо успеть до конца истратить своё золото, тело и душу. *(Пьёт вино, поправляя на плече туннику)*.

Аттила: Моя душа и руки не так нежны, как у тебя, Аэций. Я не умею играть на лютне и извлекать божественные звуки. Мой взор не ласкают убранство и роскошь, однако, я владею копьём и мечом, крепко держусь в седле. Мой конь как вихрь – не догонишь.

Аэций: Да, ты хороший воин, за это я тебя ценю *(Пауза)*. Пламя римской свечи дрогнуло от человеческих грехов *(с печалью)*. Золото Рима так не блестит, как прежде, люди стали терять в него веру. Риму нужен такой храбрый защитник, как ты, Аттила. Оставайся! Для нас двоих места хватит. Давай сражаться рядом, ведь мы с тобой друзья, друг друга стоим. Воин всегда услышит воина. Соединим два голоса – вместе мы спасём наш Рим.

(Говорит в сторону) Иди сюда, Горбун, не прячься! Знаю, что ты здесь, и ты Аттилу любишь. Меня не проведёшь! У меня нет от тебя секретов *(из-за колонны появляется слуга)*. Пригласи гречанок, испанок-танцовщиц и тех рабынь, что недавно привезли из Галии и Сирии.

Горбун *(наклонившись)*: Хорошо, мой господин *(с восхищением смотрит на Аттилу)*.

Аэций *(Аттиле)*: Вкуси всю прелесть омовения. Это придаёт уму ясность, силу, чистоту. Но всё это у тебя и так есть... Здесь не хватает лишь блеска женщин... А вот и они!

(Входят рабыни в прозрачных одеждах. На их обнажённых руках блестят золотые браслеты с драгоценными камнями. Волосы переплетены жемчужными нитками и гирляндами цветов. Прелестницы кружатся вокруг Аттилы в откровенном танце, обнимая и обольщая его. Садятся ему на колени. Разносится запах благовоний. Аэций играет на лютне, декламируя под музыку).

Славлю нежного Эрота:
Он сильнее всех богов;
Он царит в венце, сплетённом
Из бесчисленных цветов.
Смертных мощный укротитель,
Он самих богов властитель.

От страсти изнемогши весь,
Бедный, без сил я лежу,
И боги мучительной болью
Суставы мне пронзают вдруг!

(Подходит к гетерам, продолжая петь):

...Словно мяч в игре, гетера отдаётся в руки всем:
Здесь кивнула, там мигнула, здесь любовник, там дружок;
Этого рукою держит, а того ногой толкнёт;
Этому колено лишь покажет, а тому шепнёт привет,
Здесь поёт с одним, другому письмецо перстом чертит.

Аэций: Аттила! Смотри, как чудно извиваются их тела в бесстыдном танце. Надеюсь, все твои желания теперь исполнены?

(Аттила молча кивает. Аэцию приносят письмо, он читает). Послание от готов... Мне надо к императору, есть неотложные дела *(собирается уходить)*. Подумай над тем, что я тебе сказал. Мы с тобой позже ещё вернёмся к этому разговору. До завтра, друг! *(Пауза)*.

Аттила: Прощай!

Аэций *(удивлённо)*: Прощай? Пусть будет так! *(размышляет)* Тогда дарю тебе раба. *(Зовёт)* Горбун, иди сюда. *(Подходит Горбун)*. Вот он, бери его! *(Аттиле)* Теперь прощай! *(Аэций удаляется)*.

Горбун *(склоняется в поклоне перед Аттилой)*: Что желает мой господин?

Аттила: Как звать тебя? *(тот молчит)*. Не помнишь своё имя?

Горбун: Когда отец был жив, он звал меня Зеркан. Уже много лет меня зовут Горбун.

Аттила: Где ты рождён?

Горбун: Не знаю точно.

Аттила: Ты, как и мы, гунны, не знаем, где рождены! Вся наша жизнь в седле, для нас дома – могилы... Я буду звать тебя Зеркан. Ты шутишь? Слуга?

Горбун: Я – раб.

Аттила: Отныне ты – свободен и волен делать всё, что хочешь. *(Горбун становится на колени и неожиданно плачет)*. Можешь оставаться здесь, в Риме, или следовать за мной *(настороженно)*. Ты ведь послан, чтобы за мной присматривать?

Горбун: Да, правитель, я не могу остаться в Риме и жить здесь один.

Аттила: Иди за мной *(с тревогой)*! Мне снился сон, я жду вестей от брата.

Картина вторая

(Аттила стоит у колонны. Появляется сестра римского императора Гонория. Аттила порывается уйти).

Гонория: Я не помешала тебе, о, повелитель гуннов? Вижу, скучаешь: не нравятся наложницы?

Аттила: Я не так изнежен, как Аэций. Римские утехи, интриги и жизнь напоказ меня не привлекают.

Гонория *(касается его плеча и отводит за собой в сторону)*: И этим подкупаешь... Я тебе не нравлюсь, гунн? Отчего ты меня избегаешь? Или у тебя есть другая, что пленила сердце героя? *(Пауза)*. Если так, я не возьму твоего тепла! Знаю, что воина в походе должна согревать не одна женщина.

Аттила *(проводит рукой по её лицу, пылко)*: Гонория, принцесса, я возжелал тебя в тот самый миг, когда увидел. Прекрасный бутон лотоса! Ты напоминаешь мне богиню на картине, что висела на стене, когда я был в заложниках.

Гонория: Я не ревную к женщинам, которых ты завоевал в походах. Хочу сама тобою завладеть, твоими мыслями! Не сердцем, нет, оно пускай останется тебе. Мне нужно твоё мужественное тело, оно меня влечёт и манит... *(обвивает рукой его шею)*.

Аттила: Ты, как душа, красива.

Гонория: Я подарю тебе удовольствие и покой. *(Пауза)*. Разве Пулькерия не делит в Константинополе трон с Марциалом, который был простым солдатом, но ты ведь не солдат!

Аттила *(закрывает ей рот рукой)*: Молчи, лучше не говори! Слова не те... С твоих уст срывается недостойное тебя! Дай их мне *(целует Гонорию и протягивает ей перстень)*. Возьми на память перстень с чёрным опалом как знак моей любви. Этот огненный камень – камень сильных, он будет охранять тебя. Отныне ты – моя.

Гонория *(пылко)*: Пусть с тобой в походе будут твои жёны, я же стану любящей тебя гетерой, как Лесбия Катуллы. Единственной! Ведь ты не возражаешь? *(наклоняется к Аттиле)*.

Аттила *(целует её)*: Мой золотой цветок! Да, в Риме ты одна, другой – не надо, ты переполнила меня. Пусть будет так, как хочется тебе. Люби меня! Тебя не дам в обиду. Отныне ты принадлежишь не Риму – мне одному *(сурово)*. Но знай, от своих жён я требую верности. Женщина – не дверь, куда может постучать и войти каждый, она должна убояться мужа.

Гонория: Повинуюсь тебе, о, мой герой!

Аттила: Ещё скажу – я никогда не расстанусь с тем, что мне принадлежит. Хочу, чтоб у меня была жена, которая сидит на троне рядом, и пусть мои доблестные воины наслаждаются её видом. Она разделит славу моих великих побед, будет владычицей мира. Ты можешь стать ею, если пожелаешь.

Гонория: Мой повелитель, познай меня! Испей до дна... Склоняюсь пред тобой *(становится на колени перед Аттилой)*.

Аттила: Ты всех прекрасней! *(заключает её в объятия)*. У тебя золотые волосы... они везде такие? Я не ведал страха, но ты так хороша, что даже страшно. Возможно ли это? О, моя Гонория, ты просто чудо?! Что со мной? Не знаю сам, ведь римлян я люблю лишь мёртвых! *(страстно целует Гонорию)*.

(Появляется посыльный и протягивает Аттиле письмо, тот читает).

Брат Бледа пишет, что умер наш отец... Предчувствия меня не обманули. *(Пауза)*. Зовёт домой, я должен срочно ехать! Прощай, Гонория! *(целует её)*.

Гонория *(удивлённо)*: Прощай? *(Пауза)*. Ах, эти братья! Все они – враги! Аттила, не забудь меня!

Аттила: Желанная, я через год вернусь, всё сказанное остаётся в силе. Буду целовать тебя так, что задохнёшься в моих объятиях. Будь верна и жди, я приеду за тобой! *(быстро удаляется)*.

Картина третья

(Император в золотой тунике сидит на троне, рядом – клетка с попугаем. В окно виден купол собора. Раздаются удары колокола. Аэций ходит по комнате, к стене прикреплена карта на папирусе).

Император (*обращается к попугаю*): Ну что, птица, скажешь мне? Ты на ветвях души своей порхаешь? Легко тебе, от ветки к ветке, прыг да скок...

Попугай: Р-Р-Рим (*император даёт ему корм, тот начинает клевать*).

Император: И ты, пернатый, туда же – твердишь о Риме. Варварские знамёна из конских хвостов нам не дают покоя. Гунны делают набеги на наши земли, захватывают в плен наших рабов. И мы должны всё это терпеть! Мы, римляне, станем на колени перед Аттилой... перед дикарём? А варвары – от них идёт смрадный дух... Они на евнухов похожи, им на щеках раскалённым железом наносят шрамы, и они до старости остаются безбородыми.

Аэций: ... Набрасывают на нас свои арканы, разносят смерть везде. Гунны рождаются в седле и презирают пеших (*хладнокровно*). Мой император, все басни про гуннов – ложь. Они сильны, господствуют повсюду, и это стоит нам признать. Скифов, вестготов, франков и бургундов заставляют платить дань золотом, причём немалую. Теперь их военная сила такова, что ни один народ мира не устоит против них. Остались только мы, черёд за нами (*пауза*)...

Император: Чего ж мы ждём? Есть только один способ отвести удар – Аттила должен умереть!

Аэций: Обманом их следует взять, умом, на то мы и римляне. Гунны с шумом нахлынут и, как полноводная река, смоят готов. Они повергнут их гордость в прах. Союз с Аттилой – единственное спасение!

Император (*приходит в бешенство*): Варвары!.. Звериное отродье. У них на пиках – головы римлян... Ненавижу Аттилу, глаза его сверкают волчьими огнями... у него клыки как у бешеного пса... Нет, он гораздо хуже, этот злобный волк... Возьми ж его угрозами, иль лестью, или чудом, иль умом, чем хочешь. Только поскорей!

Аэций: Не тревожься, мой император, из любого положения найдётся выход, надо только действовать разумно и расчётливо.

Император: Мне известно, он уехал. Аэций, разве не ты упустил его из расставленных сетей? Он выскользнул, пока ты с ним любезничал и прохлаждался! Ох, с какой бы великой радостью я преподнёс бы ему подарок! А подарки, говорят, он любит. Без всякого сожаления залил бы в его горло расплавленное золото, чтоб замолчал навек, а потом разрезал и показывал всем слиток в форме варварского горла.

Аэций: Мой император, Аттила сейчас нужен Риму как никогда. Морская буря дыханьем ветра вздымает волны и сокрушает всё на своём пути... Нам есть чему учиться у стихии. Не так ли умелый полководец безжалостен к врагу? Он властно держит в повиновении захваченное им.

Император: Аттила – лютей враг. Дикарь! Он дверь Европы с петель сорвал и угрожает нам. Для предотвращения войны мы вынуждены просить его, заискивать и унижаться перед ним, покупая подарками его благосклонность! Чего ж мы медлим? Он уже поставил нас на колени!

Аэций: Попробую его перехитрить, отговорить и повести воинов в другом направлении – в Галию против вестготов (*показывает на карте*)... Вот здесь! Пройдём сюда. (*Император подходит к карте, следит за рукой Аэция*).

Император: Аэций, пожалуй, соглашусь с тобой, ты убедителен. Никто не сравнится с тобой в искусстве полководца, но многие тебя не любят. Не обращай внимания! Я тебя ценю, а это главное.

Аэций: Нам нужно быть беспощадными к врагам. Гунны перерезают своим рабам сухожилия, чтобы те не могли убежать. Мы же должны беспощадно убивать своих рабов, чтоб они не восстали. Рабы – всему виной, от них большое зло. Они отвыкли повиноваться, и в этом – наша слабость.

(Аэций ходит туда-сюда, теребя в руках платок: он то складывает его аккуратно, то бросает на стол).

Император *(впадает в раж):* Чья сила, тот жесток! Даже Марха, богиня ужаса, была бы довольна нами. Мы выжжем им глаза,отрежем уши! Их должна ждать мучительная казнь за неповиновение. Я превращу казнь в зрелище, это взволнует в жилах кровь.

Аэций: В зрелище? В театр?..

Император *(оживляясь):* Смотри, что предлагаю! Отрежем вначале пальцы, а потом руки – по локоть и ступни, всё резать будем по частям и каждый день. Каждый день, если раб ещё живой, у него будут что-то отрубать. Кто сколько выдержит... пусть выиграет самый терпеливый! Победителя мы наградим и по завершению с почестями отрубим ему голову! Вот какое новое состязанье я выдумал! Не правда ли, мой друг, придумано блестяще? За такой спектакль и плату можно брать немалую.

(Раздаются удары колокола).

Аэций: Да, хорошо бы такое разыграть, чтобы этим смердам неповадно было впредь слушаться *(задумчиво)*. Власть и слава Рима – превыше всего! Рим рухнет, если люди останутся без идеалов, их надо дать им. За разврат и сладострастье, царящие в Риме, Бог послал нам кару – гуннов и их владыку. Бич Божий!

Император: Бич Божий? Кара? *(задумчиво)* Ты знаешь, что в их бичах свинец защит? Такой раздробит голову и кости, поэтому так силен удар, в седле им равных нет. Что ты на это скажешь? Чем можем мы ответить?

Аэций: Мы по-прежнему тверды, однако наша империя уже пошатнулась. *(Твёрдо)*. Но я верю, дух Рима победит! Над нами – венок из лавров. Наша триумфальная золотая колесница всё ещё запряжена четвёркой быстрых белых коней, они домчат нас к победе!

Император: А может, всё ж отдать ему Гонорию? Тогда у нас не будет сложностей с союзником! Зря этого не хочет мать! И ты, я вижу, на неё глаз положил *(злбно, напускаясь на Аэция)*. Но не быть этому, не допущу, так и знай! Ты – не чета императорской семье, ты – варвар. Убью тебя, Аэций, если станешь на дороге, не посмотрю, что ты сенатор и усердно служишь мне.

Аэций *(берёт со стола сложенный платок и разворачивает его):* Да, да, непременно обхитрим, все замыслы раскроем. Я послал соглядатая. Горбун за ним присмотрит, и всё доложит. Не беспокойся! Мы хитрее и мудрее его, он низкого происхождения, даже писать не может, куда ему тягаться с нами!

Император *(успокаиваясь):* Ну, хорошо, служи. Ты – ловкий дипломат! Рим будет тебе благодарен.

Картина четвёртая

(Ночь. Над низким ложем Аттилы горит факел. Он спит, укрытый тигровой шкурой. Орёл сидит у его изголовья и дремлет. Раздаются раскаты грома, сверкает молния. Статуя бога войны Марса падает и разбивается вдребезги.

Аттилу мучают кошмары, ему снится бой с готами, по стенам мечутся тени. Комнату со всех сторон окружают звуки. Вокруг скрежет и лязг мечей и доспехов, ржанье коней, крики гуннов: «Аррчь, аррчь!». Каркают вороны, слышен треск сучьев пылающего костра. Доносятся голоса).

Первый голос: Я весь в крови. Они бросают в огонь живых. Пылает всё. Души кричат и просятся на небо.

Второй голос: К хвостам привязывай, вниз головой, чтоб лбом о землю бился! Пусть сочтёт свои грехи: недолго осталось жить ему – идёт Аттила...

Третий голос: Распни его, распни. Мучьте их, как псов. Бросай копье в распятого и попадай в глаза, оставь стервятникам глазницы. Пусть кровь останется во тьме.... В ад попадают только трусы. Аррчь! Ао! *(Раздаётся свист, вой и вопли).*

Первый голос: Мы гибнем! Что нам делать? *(Аттила ворочается).* Смерть! Смерть носится над смертными. Человек – снесь всего!

Атилла *(бредит):* Я вижу своего отца и мать, я вижу предков. Вот гот: он в светлом и зовёт меня!... Не тронь его, не тронь! Пить! Жажда. Гонория! Любимая, ты здесь? Уйди! Кровь, повсюду трупы... Тебе не страшно? У мёртвого коня глаза открылись... Он видит, что будет с нами, и я вижу...

Второй голос: Неужели вы осмелитесь поставить свои шатры на вершине, когда Аттила внизу? Велик Аттила наш, нет равного ему царя на свете! За ним вперёд Ху-р-а!

(Постепенно всё успокаивается. Аттила засыпает. Тем временем к его постели крадётся Зеркан, он прячется у изголовья Аттилы. Вскоре появляется воин-убийца. Зеркан следит за ним, преграждает путь, выхватывая у того кинжал. Раздаётся звук гонга. Аттила просыпается. Вбегает охрана).

Атилла: Так вот какой союзник Рим? И руку протянул, в глазах – любовь и ласка, а следом – нож? Рим жаждет с мёртвыми вступить в союз и не боится готов! Убить меня? *(убийце).* Не стой, убей себя. Сейчас!

(Наёмнику дают кинжал, и он бросается на него. Падая, кричит: «Рим победит!» Окровавленного его уносят. Аттила кинжалом перерубает горящий фитиль надвое). Теперь – война!

Зеркан: Ты бы лучше велел его казнить на площади, чтоб неповадно было остальным.

Аттила: Не много ль ему чести? Обезглавить! *(Продолжительная пауза. Все молча ждут. Вскоре Аттиле приносят в мешке голову наёмника).*

Аттила *(разворачивает мешок, обращаясь к голове):* Ну, предатель, знаю, кто твой хозяин. Посылаю богам через тебя свой поцелуй *(целуя голову).* Чтобы знали все, что он изменник, чтобы ночью просыпались в ужасе, его останки перед собой увидев *(сурово).* Пойдите и

тело его повесьте на забор, а голову свою в руках пусть держит сам – стервятникам на радость, пускай клюют и утоляют голод.

Зеркан: Да, повелитель, исполним всё, как ты велел!

Аттила: И меня так заколите, чтоб я и крикнуть не успел, когда увидишь, что, как собака с собаками, я с Римом снюхался. Ты понял это? *(смягчившись)* Постой!.. Я знал, что ты не предашь меня и когда-нибудь отблаговаришь за всё хорошее, что сделал для тебя.

Зеркан *(испуганно)*: Он стражу усыпил... Я пообещал... *(тихо)* помочь убить тебя... А если бы я не согласился, он нанял бы других, и тогда могло свершиться непоправимое... мой царь.

Аттила *(похлопав его по плечу)*: Не бойся! Ты правильно всё сделал, мой надёжный друг, и я в тебе не обманулся. Теперь я – твой должник. Возьми себе вот это *(протягивает кинжал)* – и так же, если надо, спасай себя.

Зеркан: Кто был рабом, спастись не умеет.

Аттила: Тогда спасай жену. Дарю тебе жену! Возьми мою, ведь у меня их много... Немолодая тебя не бросит, не предаст. Ты слышал? *(К нему на плечо садится орёл)*. Ну, иди! Я должен тут побыть один, мне есть о чём подумать.

Зеркан *(с придыханьем)*: Жену? Вот как! Я даже не мог мечтать!

(Зеркан уходит. Аттила остаётся один).

Аттила: Орёл, мой друг! Когда с тобой поднимемся мы к тучам и бросим оттуда стрелы смерти на землю Рима? Тень крыл твоих, как тень беды, падёт над Римом. Это город зла, всё зло оттуда! *(Входит Зеркан, переодетый в епископа. Он протягивает Аттиле перстень и письмо).*

Аттила *(читает)*: Гонория! Брат-император заточил её во дворце, и к ней приставили охрану, жизнь её в опасности... Что ж, нужно действовать!

Аттила *(Зеркану)*: Кто ты?

Зеркан: Слуга я Божий.

Аттила: Епископы – мои враги, я не люблю крестов, они мне ненавистны. Маргуса на Мораве, когда переправлялся через Дунай, проникнул тайно в склеп гуннских королей, похитив там сокровища. И мы пошли войной. А я бич Божий, посланный ему для наказания!

Зеркан *(кланяется)*: Твори же, мой господин, как велено тебе, и накажи.

Действие второе

Картина пятая

(Видение Аттилы. Аттила открывает ворота, перед ним появляется огромный двуглавый человек в облике языческого божества, глаза его светятся как угли. Из чаши идёт дым. Со стены смотрит четырёхугольный чёрный глаз).

Аттила: Кто это? *(поблизости раздаётся голос).*

Голос: Молчи! *(заслонив солнце, перед Аттилой стоит великан, его две головы скрываются в облаках. Сверкают молнии: это взоры его огненных глаз. Божество приближается к Аттиле).* Это Бог.

(Из темноты сверху опускается огромный меч. Какая-то сила подталкивает к нему Аттилу. Меч со скрежетом вонзается в землю у его ног. Божество исчезает. Аттила в нерешительности).

Аттила: Могу ли я сказать?

Голос: Восстань, Аттила! Святотатства римлян зывают к мести. Я – Бог мщения, будь моим мечом! Стань непреклонен, сбрось с себя всё, что есть в тебе слабого, ничтожного, как этот меч служи моей воле и безжалостно уничтожай. Я сделаю твоё имя великим и брошу тебе под ноги все страны мира. Ты станешь проклятием и гордостью. Исполни всё, что я повелеваю тебе, Аттил! Возьми этот меч.

(Слышится шёпот): Я весь в крови, и лошадь тоже в крови. О, кровав будет путь нашего царя! Меч Марса! Он теперь твой, Аттил! *(Отовсюду разносятся голоса, но рядом с Аттилой никого нет):* Бери, бери! Сегодня ты рождён на небесах и на земле!

(Раздаётся пронзительный крик: Аррчь, аррчь! (Скрежещет железо, слышны конский храп и ржание).

Голос: Это конь Бога.

Аттила: А он может...

Голос *(из глубины):* Он может всё! Подумай о том, чего ты хочешь – всё сбудется, бери, не бойся. Ты рождён, чтоб потрясти весь мир. Тебе станет всё подвластно, ты будешь править миром, он – у ног твоих, ты – его владыка. Через этот меч тебе даровано могущество в войнах, ты будешь повелевать жизнью и смертью других. Ты рождён, чтобы вести за собой народ и властвовать над ним.

Аттила: Духи, остановитесь! Здесь царь и человек преклоняется перед владыкой потустороннего мира. Хочу, чтоб было так! Я – Аттила, сын Тарды! Вознагради иль накажи – я в твоей воле. О, Бог, ты направлял мой народ, когда он жил в степях, продолжая оберегать и поддерживать нас, когда мы покоряли мир. Теперь пред нами – великая цель: завоевать весь мир. О, Бог, древний и мудрый, дай мне совет и укажи путь. Сделай так, чтобы я не споткнулся и не упал. Недавно я чуть было не ступил туда, откуда уже нет возврата... Пусть такое больше не повторится, я должен стоять перед врагом как скала. Мой Бог, укажи мне верный путь.

(Аттила обращается к Луне):

Клянусь, что не сожгу ни одного вражеского города до наступления ночи. И тогда ты, о, Луна, успеешь подняться в небо и озарить его, а яркие языки пламени будут приветствовать тебя с земли. Они покажут всем, что твой слуга, не щадя своих сил, прославляет гуннов.

Голос: Отныне ты любимец Богов! Ни копьё, ни меч не смогут поранить тебя. О, божественный владыка гуннов, могучий император, пророк, который вскоре будет править землёй, водой и небом, будет повелевать всеми! Так будет рано или поздно! Теперь тебе подвластно всё! О, Аттил, вечной тебе жизни! Бери свой меч, бери! Ну, а теперь иди!

(Четырёхугольный глаз закрывается. Аттила остаётся один. Он берёт меч и сгибается под его тяжестью).

Аттила: *(останавливаясь, шёпотом):* Бог войны коснулся моего плеча... О, чудо! У меня будто выросли крылья, и, кажется, что сейчас я полечу над миром как орёл... Мне дарован богами Меч Марса. Теперь я мир вспашу мечом!

(Внезапно вбегает первый помощник и министр Онегезия).

Онегезия: Аттил, отец наш!

Аттила: *(Онегезие):* Клянись мне в верности! Отныне я – владыка мира. Только я с этого момента должен править гуннами и больше не делить власть ни с кем другим.

Онегезия: *(становится на колени):* Клянусь! Да будет благословен приход твой, которому я служу, не мне остановить тебя. О, великий Аттил, рождённый на небесах и на земле, признанный Солнцем и Луной, я – твой слуга навек. Владыка жизни и смерти! Мир у твоих ног, он дрожит. Я это слышу! Все предсказания об этом говорят – внутренности только что забитых животных пульсируют и извиваются, предрекая твою скорую победу.

Аттила: Развею по ветру тщеславный Рим! Всё вокруг пропитается чёрной кровью готов и римлян...

Онегезия: Царь, Аттил, плохая весть! Твой брат велит тебе предстать перед ним до захода солнца. Если ты не сделаешь этого и не откажешься от своего похода на вестготов, он как старший, по закону первородства, отберёт у тебя то, что принадлежит ему по праву. Спеш! Бледа поднял меч на твою жену. Твоя жена опять повздорила с его женой.

Аттила: Точи мой меч для Бледы. Немедля!

Картина шестая

(Аттила и его брат Бледа стоят друг против друга во двореке деревянного дворца).

Аттила *(подходит к Бледе):* Как смел ты сделать это, так поступить? Ты знаешь, кто я?

Бледа: В роду я – старший, и твоя жена должна подчиняться мне, как и ты.

Аттила: Не будет этого! Ты слышишь, никогда! Так не может дальше продолжаться...

Бледа: Мы разделили земли: тебе – весь Запад, мне – Восток. Но я хочу всего, ведь я – один наследник, а не ты! Давно раскаиваюсь, что отдал тебе половину царства, вместо того, чтобы как старшему одному повелевать! Имя гунна не должно быть проклятием для народов. Если ты не уймёшь своих кровожадных устремлений, я прикажу гуннам привести в исполнение закон первородства! Поклянись, что не начнёшь войны с вестготами без моего согласия. Ты будешь делать, что я тебе велю, или я отниму у тебя твою долю.

Аттила: Ты шутишь!

Бледа: Ты сомневаешься? Готов поклясться своей женой!

Аттила: Не клянись, напрасно! Как жёны наши не могут поделить дворец, так мы не сможем поделить себя, разрезать на две части. Я, с моим половинным царством, недостаточно силён. Ты удерживаешь мной занесённый меч. Долго выносить я это не

могу. Раздоры между нами не укрепят дух воинства у гуннов, отец говорил об этом при жизни... К чему теперь слова, тут нужен меч! Нарыв мечом вскрывают...

Бледа *(спокойно)*: Я готов *(увидев меч Аттилы)*! Смотрю, какой у тебя меч, его ещё не видел! На мне опробуешь?

Аттила: Править миром суждено мне одному. Выходи, и мы сразимся, а тот, кто погибнет, тот не нужен гуннам, он лишний. Я жду, бери свой меч.

(Бледа молча берёт меч. Аттила делает к нему шаг. Они сражаются. Аттила убивает брата. Подходит к Бледе, склоняется над ним).

Аттила *(закрывая тому глаза, печально)*: Я закрываю их, брат мой. И это сделал я – никто другой *(смотрит на свои руки)*. Я весь в твоей крови. Сражались мы на равных, и я ни в чём не погрешил. Ты мог сразить меня, но боги дали мне меч, и перед ним никто не устоит. *(Пауза)*. Теперь ты знаешь это! Но поздно, ты уже не здесь...*(встаёт на колени)*. Лети! Там братья не нужны, с тобой – лишь боги. Они тебя забрали, так надо, им – видней. *(Пауза)*. А слёзы – их ведь нет! Но, видишь, текут – как реки! Теперь без тебя начну войну с Византией, остготами, маркоманами с сарматами... со всеми, с целым миром! Никто уже не запретит мне сделать это! Смотри, вокруг – никого! *(оглядывается)*. Теперь на целом свете я – один! *(Аттила закрывает тело Бледы накидкой)*.

Картина седьмая

(Комната в деревянном дворце, стены украшены резьбой, повсюду развешаны принадлежности верховой езды и охоты, расставлены низкие деревянные скамейки. Пол и стены устланы шкурами зверей и кожей. Вместо стола стоит сундук. Аттила и Онегезия склонились над картой. На рукоятке бича Аттилы укреплен ремень с большим узлом, в который гунн зашивает камень).

Аттила *(на нём позвякивает пояс из золотых монет)*: Зрелый плод Ламбардии сам упал мне в руки!

Онегезия: После твоих побед над римлянами тебе, мой повелитель, подчинились не только гунны Бледы, но и союз племён, куда вошли германцы и хазары. Звенят мечи и пики, у гуннов к Риму ненависть в сердцах стучит. Разрушена Аквилея. Точило точит наши мечи опять. В Константинополе, Равенне, Риме знают, что скоро ты нанесёшь ещё один удар.

Аттила: Что говорят?

Онегезия: У всех будто рыба кость застряла в горле, никак не могут сплюнуть или проглотить. Да евнухи они, на баб похожи! И голоса у них бабьи, и рожи – тоже бабьи. Вот это *(показывает)* себе ножом отрезали. Все гадают, на кого твой меч падёт, вот о чём хочет мир узнать. Ждут, что ты навалишься на Рим. Весь город в страхе, ему уже ничто не нужно, ни золото, ни роскошь. Он скоро погибнет в пламени, оно всё уничтожит.

Аттила: За них сражаются наёмники, часть армии Аэция – аланы, свои могучие тела они продают за золото. Ими командует трусливый король Сангибан... И Папа Лев просил

пощады, я потребовал удвоить выкуп, и он его представил. Это нам подмога. Аэций станет выжидать, чтобы потом ударить неожиданно, застать врасплох.

Онегезия: Аэций снял охрану с перевалов, на сотни миль вперёд нет золотого римского орла.

Аттила: Но это лишь уловки! На них он мастер, я тебе скажу.

Онегезия: Он выбрал тактику бездействия как Фабий.

Аттила: Мы решились, и теперь не отступим (*смотрит на карту*). Разобьём лагерь в долине, это будет нам на руку. Четыре колонны друг за другом пересекут Дакию и проследуют вдоль Дуная, нигде не столкнувшись с врагом (*указывая путь по карте*).

Онегезия: Хороший замысел, о, повелитель! Его исполнят гунны.

Аттила: Остался только миг, он как струна натянут, как волос тонок, – и конь судьбы помчится, всё на своём пути сметая и давя копытами врага...

Онегезия: Гунны пойдут за тобой даже в ад! Я знаю это, великий хан.

Аттила: Это будет год Божественной ярости. Отправляйся немедленно! Мы должны поймать попутный ветер. Все римляне погибнут рано или поздно. Мы разобьём им головы о каменные стены... Аттила – это кара, бич со свинцом (*трясёт своим бичом*).

Онегезия: Повинуюсь! Я действую лишь по воле моего властителя. Рабство в твоём царстве для меня слаще, чем почести и все богатства Рима. О, Царь царей, Правитель всей земли, Император мира! Непобедимый владыка земли и небес... Луны и Солнца!

Аттила (*резко прерывает*): Не говори, молчи! (*задумчиво*) Человек может подняться на высокую гору, но всё равно ослепнет, если посмотрит на солнце.

Онегезия: Так лучше не смотреть...

Аттила: Бывает, когда один взгляд стоит целой жизни в слепоте. Труби, чтоб все услышали мой клич: «Уран! Вперёд – на Рим!» Мы выступим в поход легко, как на охоту, добудем всё в сражении! Пойдём сомкнутым строем.

Онегезия (*не решаясь доложить*): Ещё одно... К тебе, мой повелитель, Аэций тайно прибыл, душа гиены, питающейся падалью.

Аттила: Аэций? Как сумела проползти сюда эта ядовитая кобра? Чего он хочет?

Онегезия: Не знаю, держит свои замыслы в секрете. Юлит, не говорит причины. Уверен, что может подчинить тебя своей воле, встретившись с тобою один на один, глаза – в глаза.

Аттила: Пусть подождёт! Мне надо разобрать все жалобы, к тому же, послы от финнов, акациров, угугуров, астов давно, наверно, ждут... Что тут поделаешь, мы – варвары, мы – нелюди, враги! Такие мы! (*Онегезия уходит*).

Картина восьмая

(Онегезия и Зеркан в полутьме стоят под дверью. На шапке Онегезии прикреплены золотые монеты, в его руках бич. Он что-то прячет за пазухой).

Онегезия: Ты здесь, Горбун? Чего стоишь?

Зеркан: Да, здесь.

Онегезия: Ну, что, привёз гостей к владыке?

Зеркан: Кого?

Онегезия: Его...

Зеркан: Кого ты караулишь?

Онегезия (*отталкивает от двери Зеркана*): Отойди – моя добыча! Не упущу, давно охотился за ней, он сам пришёл.

Зеркан: Чего ты хочешь?

Онегезия: Я знаю, ты с ними снюхался? Тише, царь рядом! (*настороженно*) Не будем говорить, Аттил сюда идёт. Он вернулся? (*прислушивается*). Слышишь? Уже пошёл к Аэцию? Пока не слышно...

Зеркан: Идём отсюда... Царь всё сам решит.

Онегезия: Цыть!.. Знай своё место!

Зеркан: Не наше это дело.

Онегезия: Ты служишь?

Зеркан: Да?

Онегезия: Кому?

Зеркан: Ему!

Онегезия: Ему служи, я в этом не помеха. Я за тобой слежу и подмечаю всё, присматриваюсь, что где не так, на то я и помощник. Ты думаешь, что получил свободу и ты уже не раб? Так знай же, пока мы живы, мы его рабы! Последний час настал, но не для нас с тобой, для них, для римлян! Теперь уж скоро, он ворвётся в Рим, тогда ты и свободен... ему уже не нужен будешь. А я пойду за ним и дальше, я клятву дал навек ему служить.

Зеркан: Тогда не будь глупцом, служи!

Онегезия: Да будет благословен его приход! Не мне остановить его – велик Аттил! Рождён на небесах и на земле. А я, я – червь. Владыка жизни и смерти! Мир у ног его дрожит. Мы этих римлян, скованных, в цепях погоним к стенам, пригвоздим и распнём. Победа наша, но пируем мы, а не вы!

Зеркан: Не римлянин я, и дом теперь мой тут, с ним рядом. Я без него никак, я с ним, с царём.

Онегезия: Это всё равно, что призвать волка в овечьё стадо, чтобы отгонять от него орлов.

Зеркан: Я не волк. Владыка оставляет у себя тех, кто понравился ему, он освободил меня и дал жену.

Онегезия: Послушай, один ты ничего не знаешь! Проснулись в лагере, кричат... Все гунны взбеленились! Слух пошёл, что в нашем стане Аэций. И это навредит царю. Ты слышишь? Нам надо убить сенатора! Сам он не может сделать это. Аэция убьём – и Рим без головы. Смотри, какой подарок я припас для сенатора! (*достаёт из-за пазухи нож*). Я прирежу волка, а дальше будь, что будет.

Зеркан: Стой! Не делай этого! Царь знает сам, что нужно, у него на этот счёт свои соображенья есть. Нам не дано за него решать, мы – слуги. Коль скажет убивать – убьём немедля. Покорный будь, как пёс охотнику!

Онегезия (*отталкивает Зеркана*): Пусть враг погибнет! Тебе приказываю я – уйди с моей дороги, нам не по пути. Ты римский раб, изменник, римский лизоблюд! А не уйдёшь – убью, чтоб не крутился под ногами. Я знаю, тебя подослал к нему Аэций, и следом сам за тобой пришёл.

Зеркан: Ты что такое говоришь?

Онегезия: Твоих рук дело? (*напускается на Зеркана*) Так? Не упорствуй, говори, не то убью! Я выведу на чистую воду твой горб, как орех, расщёлкну и посмотрю, что там внутри (*хватает его за горб*).

Зеркан: С ума сошёл ты! Я подданный царя. Окстись! Кто право тебе дал чинить расправу? Аттила? Он – не давал. А кто, скажи тогда? (*Онегезия молчит*). Не можешь мне сказать! Сказать-то нечего, тогда молчи!

Онегезия: Министр сам себе указ, и сам себе дал право.

Зеркан: Тогда убей меня! Не жди, что медлишь? Тебе служить не буду никогда!

Онегезия (*отступая*) Не боишься смерти, Горбун? (*в раздумье*) Иль правду говоришь? Что Аттил мне скажет, если я тебя убью, Горбун (*отшатывается от него*). Что я скажу царю? Он признан Солнцем и Луной. А я! Кто я, кто ты? Ведь мы его рабы! (*скрежещет зубами*). Смотри, если заодно с Аэцием и меня обманешь, тебе не жить, считай, что ты – мертвяк! (*отходит от Зеркана*). На этом разойдёмся пока. А там посмотрим, как пойдёт дело. Если что, всегда могу твой горб вспороть и выпотрошить всё золото, которое ты там припрятал... (*опять достаёт нож*).

Зеркан: Иди, смотри, чтоб у тебя не вырос! Служи царю и выполняй всё, что он велит! Ишь, посмотри, как разошёлся! (*успоковившись*) В одной упряжке мы... то-то! Оно так лучше будет! Уходи!

(*Онегезия молча уходит*).

Действие третье

Картина девятая

(*Аттила во дворце в кольце стражников. На стенах арабески, изображения коней, волков, драконов и змей. Входит Аэций, переодетый в раба. Он осматривается вокруг*).

Аттила (*кивает Аэцию*): Диктатор Рима? Ты иль нищий? Без предупреждения? И что за вид? К чему переодеванья? (*Пауза*). Аэций, скажи, ведь ты пришёл не затем, чтобы просто встретиться со мной?

Аэций (*кланяется Аттиле*): Император от всего сердца желает Аттиле и всем гуннам здоровья и продленья жизни.

Аттила (*удивлённо*): Император? От сердца? Оно ещё в груди?... (*со злой усмешкой*). Желая императору то же, что, знаю, он желает мне... Скажи, а что желаешь ты? Я этого не ведаю.

Аэций: Аттила, друг, хочу того же, чего и мой божественный император, ему служу.

Аттила (*грубо*): Молчи, не говори! Не ври и не лукавь, я знаю твою службу и все твои желания.

Аэций: Привет и Бледе, кстати, я его не вижу тут (*оглядывается*), он заболел?

Аттила (*мрачно*): А Бледе ты сам выскажешь свои пожелания там, куда тебя пошлют... и очень скоро. Я знаю это, потому и говорю.

Аэций (*удивлённо*): Где там? Куда пошлют? Служу я Риму, больше никому. (*Пауза*). Хочу с тобой поговорить как с другом, но это только для твоих ушей. (*Аттила делает знак, чтобы все вышли, стража уходит*).

Аттила: Пусть вам обоим поскорей достанется всё, что вы мне пожелали. (*Протягивает Аэцию арбуз*). Угощайся, арбуз созрел на человеческих кишках.

Аэций (*отстраняясь*): На чьих?

Аттила: Не скажу, а то не станешь есть.

Аэций: Ты кого-то убил?

Аттила: Не я, а мой топор! (*зло смеётся*). Шучу, не бойся (*раскалывает арбуз надвое*)... Красив как кровь – твоя, Аэций. Нет – моя. (*Входит Онегезия*) Его! (*Указывая на своего помощника, ест арбуз*).

Аэций: Кого его? Опять темнишь!

Аттила (*морозливо*): Успокойся и ешь, он как мёд. (*Пауза*). Да, убиваем – мы. Всегда в седле, плуг – символ рабства, мы не пашем. Пусть роятся в земле другие, это не наш удел, мы правим миром.

Аэций (*не притронувшись к арбузу*): Атилла, ты скрытен, держишь свои мысли при себе, а выпускаешь только огненные стрелы. В прошлый раз я много говорил, а ты только молчал. Опять это повторится?

Аттила: На этот раз скажу, чтобы всё стало ясно, раз ты до сих пор не понял ничего, хотя глупцом тебя не назовёшь. Мне нечего скрывать! Ты часто льстил мне, врал, двурушничал. Не на того напал! Мы – гунны, нас не проведёшь! Твой ум походит на ум приручённого волка. Великодушие твоё – намордник. Если хищник захочет сбросить его, он всегда сделает это... (*Пауза*). С годами моя ненависть росла (*расправив плечи*). А ты не мог простить – Гонория тебя отвергла, выбрала меня.

Аэций: Я это знал давно...

Аттила: Ты – человек, а я теперь – скала. Не сдвинусь с места, не пошевелюсь (*не глядя на Аэция*). Тебя уже не слышу! Я далеко, уже не здесь, и вижу то, что ты не видишь...

Аэций: Твоя нелюбовь ко мне велика, но ты не сможешь показать всем, как ты меня боялся, а потому убил. Что скажут твои сыновья, потомки!

Аттила: На этот раз ты прав. Да, я тебя слишком ненавижу, чтобы убить прямо сейчас.

Аэций: Я знаю, как ты горд. Твоя гордость требует, чтобы ты доказал превосходство над ненавистным тебе Аэцием на поле брани.

Аттила: Могу загнать сюда быков штук пять. А может, это мало? (*Аэций отшатывается*). Но у вас, у римлян, они не едят сырое мясо, как мы в походах. (*Пауза*). Что ж, можно подрумянить и поджарить! Всё обложу дровами и валежником, забью покрепче дверь – и подожгу, свой резной дворец из дерева не пощажу – спалю в один момент. Вот это и будет зажаренный Аэций (*зло смеётся*).

Аэций: Улыбка у тебя страшнее грозных слов. Ты бы с удовольствием приказал убить меня, но не можешь лишиться себя триумфа и лавров, что ждут тебя в случае победы над Римом. Поэтому я и рискнул к тебе приехать. Как всегда, я всё заранее продумал и точно рассчитал! *(усмехается)*.

(Аттила ударяет в гонг).

Аттила: Разговор с тобой вызывает жажду *(приносят вино, Аттила жадно выпивает чашу и вытирает рот рукой)*.

Аэций: Мы обязательно сойдёмся в бою, и ты, и я, об этом предсказатели сказали.

Аттила: Предсказывают по моху на скале или по зубам собаки и прочей ерунде? Нет, этому уже не быть! Сражения у нас не будет. Это знаю я! Не веришь мне? Поверь жрецам.

Аэций *(продолжает)*: Предсказывали на внутренностях тигра...

Аттила: Тот прорицатель правду говорит, у кого на печени есть маленькая звёздочка.

Аэций: Хорошо, проверю, но больше правды ведь он уже тогда не скажет...

Аттила: Тигр прыгнул слишком далеко, сам напоролся животом на рога, и ваши предсказания не верны. Я знаю, будет так, как я сказал, – сражаться мы вдвоём с тобой уже не будем.

Аэций: Ах, так! Тебе видней. Больше ни слова об этом!

Аттила: Мои жрецы используют более надёжный способ – полёт стрелы. Привязываем девственницу к тетиве, натягиваем крепко и, сломав, стреляем. Умирая, жертва показывает, что видит в потустороннем мире. Зрелище – достойное вниманья! Стрела летит, указывая путь войскам. Ты можешь завтра всё это увидеть собственными глазами, а заодно узнать про наши замыслы.

Аэций: Зачем спешить? Не захватить ли нам обоим вначале лёгкую добычу – у наших ног. Карфаген должен войти в твою империю. К тому ж тебя Константинополь ждёт. В Северной Африке мы могли бы быть союзниками.

Аттила: Ты вправду думаешь, что я тебе поверил? Прикидываешься ягнёнком, но посмотри на зубы, у тебя – клыки!

Аэций *(успокаивает Аттилу)*: Ну что ты, это же военное искусство! Победа путём переговоров дороже той, что завоёвана в сражении. Приехал я в надежде, что мне удастся наш мир спасти и дружбу. А женщины – не в счёт, что проку в них, ведь я – не ты, они меня уже не опьяняют.

Аттила: Ты изворачиваешься, как змея, но твоя ложь никого не обманет. Меж нами мира не было и нет, и быть не может. Да, я – не ты, люблю красивых женщин, они необходимы мне, как воздух, без них я не могу дышать!

Аэций: Ах, вот как ты заговорил?

Аттила: Всё это ухищрения и ложь – твоё искусство, сам знаешь. Оставь советы, я не нуждаюсь в них. Довольно, выслушал, теперь буду говорить я. *(Пауза)*. Нам следует решить наш давний спор по поводу принцессы Гонории. Тебе известно, что я готов к войне – и с готами, и с вами, и с целым миром! Попробуй, скажи, что это не так!

Аэций: У тебя земель больше, чем у Александра Великого, твоя армия – величайшая в мире.

Аттила (*с улыбкой*): Ты пришёл, чтоб восхвалять и льстить мне? Нет, знаю, хочешь разведать, где нанесу тебе удар, надеешься открыть мои намерения? Что ж, покажу их тебе! Вот, держи (*бросает Аэцию папирус, свёрнутый в трубку, тот хватает его и прижимает к груди*). Теперь ты знаешь всё и можешь уезжать. Но жизнь ведь многое меняет. Мои намерения... они не постоянны, ведь всё течёт. Вся наша жизнь течёт, как река... (*Пауза*).

Аэций: Ты стал философом ...

Аттила (*грубо перебивает*) Имей в виду, Гонория – моя, она принадлежит не Риму – мне. Если не будет выдана моим послам в установленный срок, и вы не отдадите половину Западной империи в виде приданого по доброй воле и перебежчиков моих, я покараю Рим. До краёв заполню его своими воинами, засыплю как могилу землёй, тогда уже не встанете из склепа! Таковы мои условия.

Аэций: Ганнибал вторгся в Римскую республику, все преимущества были на стороне Рима, и Ганнибал потерпел поражение... Теперь по существу. Среди перечисленного тобой есть много вещей возможных, но есть и те, что невозможны! По поводу тех, кто у нас искал от тебя защиты, скажу, что это невозможно.

Аттила (*приходя в ярость*): Вы отдадите их, я – их владыка!

Аэций (*примирительно*): По твоему нахмуренному взгляду вижу, что не прав... Хорошо, как ни грустно и тяжело моему императору выдать их тебе, мы отдадим! Но побойся Бога, тебе всё мало! Кроме дани, которая положена, под угрозой нападения ты требуешь ещё за год вперёд! В прошлый раз мы привезли тебе много золота, тебе ж понадобилось ещё! Ты весь увешан им (*показывает на золотые монеты на поясе Аттилы*). У нас нет больше золота, мы дать его не можем!

Аттила: Я сотру с лица земли твою любимую женщину – твой Рим, потому что это не моя жена.

Аэций: Ты, вижу, не забыл и это... А как же Гонория, она ведь в Риме?

Аттила: Нет, мои люди, что были посланы, узнали всё.

Аэций: Ах, вот как ты заговорил со мной! Так, значит, кончен мир? Вражда?

Аттила: Что может сделать олень, когда тигр ударом лапы ломает ему хребет, вгрызаясь зубами в шею? (*скрежещет зубами*). Уходи, я еле сдерживаюсь. Могу не совладать с желанием убить тебя, если ты всё ещё будешь здесь после захода солнца.

Аэций: Вот как встречаешь друга своего! Если можешь – убей, не пошевелься! (*с грустью*) А помнишь, как когда-то ты мне дал приют, иль ты забыл? Но не забуду я...

Аттила (*со злой улыбкой*): Давно ты мне не друг, и не играй со мной в друзья... забудь прошлое, как сон, как детство. Оно уже не в этой жизни, а в другой, не возвратится, оно осталось в Риме. Не жди, за ним туда я не поеду...

Аэций: Согласен, ни к чему сейчас ворошить прошлое!

Аттила: А может, прошлое убить? (*хочет наброситься на Аэция*). Оно как зверь ещё во мне сидит (*успокаивается*). Нет, лучше не тревожить того, что между нами было, пусть останется до конца!

Аэций: Давай не вспоминать об этом, былём всё поросло...

Аттила (*резко прерывает его*): Восход с Гонорией я встречу, она прислала мне свой перстень. Пора, я должен к ней спешить. Ещё до захода завоюю всё, что пожелаю.

Аэций: С Гонорией? Но император против... Он не пойдёт на это, впустую лишь хлопочешь... К тому же, у этой женщины нет права на наследство имперских владений.

Аттила (*со всего размаха бьёт кулаком по сундуку и в щепки вдребезги разбивает деревянный кубок*): Должно быть так, как я сказал. Или – страшная война! Пусть Рим умрёт в бою легко и быстро, ведь он не женщина, а воин.

Аэций (*прикладывает руку к груди*): Возьми весь мир, оставь мне только Рим!

Аттила: У нас с тобой два голоса, они по-разному звучат. Я уже воткнул нож в вашу землю по рукоятку, ничто меня теперь не остановит. (*Аттила с размаху вонзает нож в карту и попадает в Рим. Аэций выдёргивает нож*).

Аэций: Ты в Рим попал? Как ловко получилось! (*рассматривает нож*). Прекрасный нож! Так это мне подарок?

Аттила (*побагровев*): Нет! (*вырывает у него из рук*) Тебе подарок – принцесса. Мне доложили, что неверна она и ветрена, к тому же, ни в чём не знает меры. Я сам проверю это, и если так, то – вот тебе жена. Бери её, а у меня уже другие замыслы, другая жизнь.

Аэций (*теряя самообладание*): Не ожидал! Ты мне не говорил... И это твой ответ? Так для тебя Гонория – лишь повод к войне? (*с ненавистью смотрит на вошедшего Зеркана*). Предатель раб-горбун, рабом ты был и остался! (*Онегезия недоверчиво смотрит на Зеркана*).

Аттила: Его зовут – Зеркан, и он свободен. Прощай! Накинешь мою бурку. (*Даёт свою бурку, указывает стражникам на Аэция*). Стража, он сам уйдёт, его не провожайте. (*Аэций уходит. Говорит Зеркану*) Иди за ним, пускай его не тронут. Уже в лагере переполох, здесь римлянам не место. (*Тот замешкался, посмотрев на Онегезию*).

Онегезия (*бросаясь к Аттиле*): Аэций – это Рим! Владыка, ты хочешь, чтоб он жил, и дашь ему уйти?

Аттила: Ты что, не слышал, что я приказал? (*Зеркану*) Поторопись, не медли, отвечаешь головой! (*Зеркан спешит следом за Аэцием*).

Картина десятая

(*Аттила остаётся один. Он смотрит на горящий факел, у него дрожат руки. Заметно, что он изо всех сил борется с недугом. Слышны удаляющиеся голоса*).

Первый голос: Сюда!

Аэций: Прочь, варвары, рабы... Помойтесь, от вас воняет.

Второй голос: Мы рабы? Арчь... Арчь его! Сенатор? К варварам сам Рим прибыл на поклон!

Первый голос: Какая честь, к рабам – сенатор! Стой! Не трожь его, так повелел владыка! (*Голоса затихают. Наступает тишина*).

Аттила (*монолог*): Зачем мне боги дали силу? (*Обращается к духам*). Скажите, духи, зачем мне империя и слава и весь мир? Судьба моя – водителя народов? Мир у меня в

ладонях как трепещущая птица. Как я её поймал, как смог не упустить? Видно, мой удел – идти как зверь среди мечей и копий. Я будто неприкаянный (*Аттила прислушивается, раздаётся скрежет мечей*). Повсюду звон мечей и поминальный скрежет... Я плоть свою зажал в железном кулаке. Хоть успеть выплеснуть себя до дна, как чашу... Хватит сил? (*Появляется тень двуглавого языческого бога*).

Голос: Ты, богов любимец, рождён на небесах и на земле одновременно, чтоб потрясти весь мир. Тебе подвластно всё, ты правишь миром, он – у ног твоих, а ты – его владыка. Ты велик, Аттил, нет равного тебе царя на свете. Тебе даровано могущество. Твоё копьё – кровавая комета. Ты повелеваешь жизнью и смертью мира. Ты грозен, и кровав твой путь!

Аттила: Да. Я люблю войну и презираю смерть. Трава перестаёт расти там, где ступил мой конь. Разве найдётся такая крепость или город, который мог бы считать себя неприступным, если бы я захотел стереть его с лица земли? Во мне есть страсть – всё разрушать. Я проник в пещеры злобы, насилия, убийств, грабительства и вероломства, в них погрязли все племена. И все они боятся смерти! Мне тошно от запаха гнилого мяса. Если все такие, лучше бы их вовсе не было! Всюду ложь и ненависть. Вокруг одни изменники! Я закрыл глаза, чтоб этого не видеть. (*Пауза*). Предатели обманывают клятвой, обступают со всех сторон и душат, не дают дышать! Коварство под личиной дружбы и притворства! Я верю в Бога мщения. Я – гнев Господний. Все мои враги, очистившись в страданиях, отвергнут соблазны мира и грехи и выйдут к небесам... Не останавливаюсь, скачу на вороном коне под чёрным знаменем!

Голос: Да, Бог войны коснулся твоего плеча... Он даровал тебе Меч Марса. Ты признан Солнцем и Луной. Владыка жизни и смерти! Мир у твоих ног дрожит. О, божественный владыка гуннов, могучий император, пророк, ты правишь землёй, водой и небом, повелеваешь всеми! Тебе подвластно всё! Но, Аттил, вечной жизни нет на земле, ты должен это знать! Ты будешь править там, и станешь там Царём! Запомни это, а теперь иди!

Аттила: ...Я слышу своё сердце, оно стучит, как птица зовёт меня в потусторонний мир! Совсем он рядом, близко. (*Гаснет свет*). Я чувствую его, могу сойти туда как по мосту (*Протягивает вперёд руки, нащупывая впереди что-то невидимое. Затем садится и берёт кубок*). Хочу единым духом испить всю жизнь свою... Одним глотком... (*жадно выпивает*) Отрава? Как легко! Вот я уже ни там, ни здесь... На грани ...(*раздаётся хrap коня, на стене мечется тень женщины*). Конь храпит, он чует мёртвого. Так это мать моя! Пришла... Ты мать иль дух, а, может, ты шаман? (*Женщина-тень садится рядом с Аттилой*).

Голос: Не знаю, всё равно! Пришла из тьмы к тебе на огонёк. Я часто видела его ночами. Давно горит, не может вечно он гореть так ярко, потухнет скоро...(*звучит старинная тюркская песня*).

Аттила: Поёшь, как в детстве. Спой ещё, а я послушаю...Потухнет, говоришь? Так пусть скорей потухнет, не буду ворошить и раздувать огонь! Устал, немоготу уже!

Голос: Давно хотела прийти, но раньше не могла, чума на землю пала. Теперь скажу. Готовься! Ты не успеешь то, что ты задумал, мой Аттил, и Рима не возьмёшь. В Медиолануме захватишь императорский дворец. Увидишь там картину, где императоры на

троне с поверженными скифами у ног. Тогда прикажешь найти художника и заставишь его нарисовать себя на троне. Римские императоры будут высыпать всё золото своё к твоим ногам.

Аттила: Так будет?

Голос: Да. Все убегут, ты их дома разграбишь, сожжёшь, а церкви разрушишь... Слышишь, что говорю? Но больше не скажу, узнаёшь сам, что дальше будет, как жизнь свою закончишь... В знак скорби я нанесу себе увечье на лице ...

(В комнату пробивается яркая полоса света, который затем проникает всюду. Женщина-тень исчезает. Возвращается Зеркан).

Зеркан: Провёл Аэция, он в безопасности и далеко отсюда. Мой господин, за Гонорией послали.

Аттила *(устало, будто проснувшись ото сна):* Останови, не надо...К чему теперь? Она мне неверна, как Рим. Пускай её Аэций утешает. Хотя он трус и побоится императорского гнева. Пускай теперь живёт, как хочет. *(Пауза).* Но всё же я её любил, я это знаю, это было. Гонорию я вижу пред собой, но никогда не встречусь с ней. Верните ей кольцо *(протягивает Зеркану кольцо).* Я ей больше не заступник.

Зеркан: Владыка, ты слишком бледен! Как твоё здоровье? Прислать шамана?

Аттила: Нет, не надо. Всё хорошо.

Зеркан: Не грусти, она того не стоит.

Аттила *(с печалью в голосе):* Гонория и Бледа. А теперь... Аэций! Я ведь ему когда-то дал приют, когда он был в опале и бежал из Рима! Мы рядом шли на готов. В бою он спас мне жизнь. Ты помнишь?

Зеркан: Да, мой господин!

Аттила: Теперь сойдёмся мы врагами, как я сошёлся с братом. Хороший враг – милее злого друга.

Зеркан: Враг страшен только в доме.

Аттила: Ты о чём?

Зеркан: О том, что он тебе уже не страшен. А поле битвы скажет, кто герой!

Картина одиннадцатая

(Спустя некоторое время пиришество во дворце Аттилы. Гунны вносят паланкин, на котором восседает Аттила в шерстяной бурке. Над его головой держат полукруглые деревянные обручи с натянутой на них пёстрой тканью, защищающей от солнца. Аттила садится на трон из копий и щитов, который находится на возвышении. К нему ведут ступени. У ног своего господина лежит Зеркан. Повсюду чёрно-золотые знамёна гуннов. Стол полон яств. Гунны ликуют, пьют, воспевают победу и славят своего предводителя. Толпа военачальников следит за движениями Аттилы и по знаку, поданному взглядом, приближается к нему с благоговением и трепетом).

Онегезия: Атил, прислал тебе сенатор доспехи из золота. *(Аттила снимает бурку, надевает золотые римские доспехи).*

Аттила: Воины! Души убитых ещё сражаются в воздухе. Мы победили, захватили десятки их селений, двинулись на презренный Рим! Он трепещет. Все предсказания сбылись! Без сомнения, сильные бегут, как львы, в огонь, и ярость гуннов – им вослед. Теперь – вперёд, и нас уже не остановишь. В седле мы правим миром! Отдыхайте после битвы, пируйте, веселитесь. Жён, медов, гуслей! Вы заслужили всё!

Гунны: Арра! Владыка с нами! Царь начал! Пойдём за ним! Царь тысячи пустынь! Велик Аттила, сын победы! Рим всё ближе.

Аттила: Подайте гостеприимную чашу!

(Все ринулись исполнить приказание. Аттила принял от своего виночерпия деревянный кубок с вином, поднял его, выпил за здоровье первого по порядку гостя, тот, встав и отблагодарив поклоном, опорожнил золотую чару с вином за здоровье своего соседа. Гости по очереди принимают кубок и, выпив, целуются, кланяясь царю. Когда круг гостей обойдён, Зеркан, шутя, вызывает на стаканый бой, кто больше выпьет.

В глубине сцены появляется разъяренный буйвол, на его голову надет мешок с отверстиями для рогов. Он наклонил шею, заревел, вздёрнул голову. Гунны разлетелись в стороны).

Аттила: Стойте! Отпустите его! Снимите с него верёвки! Все разойдитесь! Все!

(Он подходит к буйволу – блеснул топор, хлынула кровь, буйвол рухнул на землю. Аттила снимает с себя золотые доспехи и надевает свою шерстяную бурку).

Гунны (возбуждённо): Аттила! Отец наш! Великий властелин! Нет равного Аттиле!

(Они затягивают песню):

Расплескался беспокойный Неман;
Поднялись от Немана венеды:
Собрались в могучую громаду
И ударили тогда на готов.
Ой, вы, готы, готы!
Злое ваше племя!
Где ж вы подевались?
Что же вас не стало?
Расшумелся, разгуделся весь Дунай;
Расшумелись гунны на Дунае:
Царь вскрывает вражьи стены, города,
Царь берёт и почести, и дани.
Что же вас не слышно,
Рим и Византия?
Где же ваша слава?
Где гордыня ваша?
Солнце ясное с востока поднялось:
Звёзды ночи все померкли в вышине.
Солнце ясное – великий властелин,
Властелин Аттила, царь других царей!
Воспоём же славу
Нашему царю
И ударим в гусли

Громко и скорей!

(Под музыку и барабанную дробь в неистовой пляске вбегают с криками воины).

Аррчь! Аррчь!

(Они несут на своих копьях головы римлян. На Зеркане разноцветные одежды, он в колпаке с колокольчиками и в больших башимаках, которые всё время соскакивают и стучат об пол. Все хохочут. Шут смешит всех своими уродливыми гримасами, кривляньем. Представляясь больным, он охает, но тут же выздоравливает. Зеркан показывает фокусы, надувает кожу, которая превращается в голову Бога зла с длинным носом и раздвоенным хвостом. Завязав шар, он пускает его в воздух).

Гунны: Билбио! Дай подержаться за твой длинный нос!

(Зеркан останавливается перед Аттилой и низко кланяется ему).

Аттила: Ну, что тебе ещё?

Зеркан *(не решается сказать):* Э-э-э-э! Мой господин, прости раба за то, что он осмелился обратиться к тебе с просьбой.

Аттила: Ну, говори! В чём дело?

Зеркан: Ты всё знаешь... Жены нет...

Аттила: Что? Куда ж она девалась, ведь я тебе её дарил?

Зеркан: Аэцию оставил. Помоги вернуть жену обратно, уж очень без неё мне плохо и тоскливо.

(Все хохочут, все пьяны. Зеркан начинает с грохотом переворачивать столы. Аттила правит пиром, сам не пируя, сидит молча, он серьёзен, суров и недвижим. На его плече – орёл).

Аттила: Эллак, наследник мой, мой сын, моя опора! *(кладёт свою руку на плечо Эллака, наследник не осмеливается поднять глаза. Рука Аттилы дрожит, он держится за край стола. Это замечает Зеркан).*

Зеркан *(наклоняется к Аттиле):* Ты болен царь?

Аттила: Нет, я просто пьян.

Зеркан: Ведь ты не пил!

Аттила: Я пьян победой!

(В комнату в такт музыке, делая три шага вперёд и два назад, входят жёны Аттилы. Они плавно движутся под белым покрывалом, как под балдахин, который поддерживают пожилые жёны. Аттила щедро раздаёт всем направо и налево подарки. Жёны несут на блюде угощенья, подводят к нему младшего сына Аттилы).

Аттила: Эрнак, мой младший, иди сюда! *(ласково треплет сына по щеке).* Ты переживёшь меня только на один день, таково жестокое предсказание жрецов.... *(Женщины в страхе отпрянули. Аттила тянется за виноградом, выбирая самую спелую кисть).*

Аттила *(указывая на молодую рыжеволосую девушку):* Вот эту приведите ко мне в опочивальню! *(Наклоняется над ней, ласково говорит ей).* Приходи ко мне сегодня, я тебя приму с любовью. О, дева, сегодня мой шатёр – лишь только для тебя.

Ильбика: Приду, мой царь, коль повелеваешь мне прийти...

Картина двенадцатая

(Аттила наедине с девушкой в своих хоробах. Он в безрукавке из кожи. Ступени устланы коврами).

Аттила: Я, вижу, у тебя в роду шаманы, если носишь такие украшения (*рассматривает украшения*). Драконы это?

Ильбика: Разве тебе не сказали, что я Ильбика, дочь степей, богатырей и витязей в седьмом колене? Мы – степные волки. У нас заглавный – бог неба.

Аттила: Мне всё равно, кто ты. Вот мои хоромы, я и ты вдвоём. Мы в первый раз с тобой одни. Сейчас ты для меня – царица. Не хочешь ко мне приблизиться? Не бойся, силой не возьму и не обижу. Будет всё, как хочешь.

Ильбика: Ты любишь златовласых?

Аттила: Да, верно. Первая жена была такой, как ты. Она мне подарила Эллака и умерла. Сколько ни живу, хочу такую... вечно... (*приближается к ней*). Её лицо в моей памяти (*дотрагивается рукой до её лица*).

Ильбика: Так я на неё похожа?

Аттила: Линии твоих бровей красиво ложатся. (*Пауза*). Я их запомню, не забуду. От этого лицо твоё так нежно (*любуюсь*). Всевышний потратил немало сил, заботясь о красоте твоего лица (*нежно касается его рукой*). Твоя белая кожа мерцает, подобно мрамору.

Ильбика: Жена – для продолжения рода, рабыня – для утех, гетера – для душевного покоя. А я зачем?

Аттила: Я охотник, подстерегающий белую лань. Ты девственница?

Ильбика: Да.

Аттила: Люблю тебя, как Солнце, как Луну! Как свет, который льётся отовсюду... Ты, видишь, он вокруг тебя? Ласкаю эти струи (*опускается к ногам девушки*). Я – воитель мира – у ног твоих! Со мной ты можешь делать, что угодно. Убей меня любовью иль уйди, я не обижусь.

Ильбика: Я не уйду!

Аттила: Ты ангелу подобна! Я трепещу под этим чистым взглядом, робею пред тобой, как мальчиком робел когда-то перед святыней. Твоя душа подобна солнцу. Да, ты – Солнце!

Ильбика: Ты пьян?

Аттила: От любви к тебе... Любовью озарён мой сумрачный чертог. Любовь! Ты дверь, куда мы все стучим, путь в то гнездо, где наши луны.

Ильбика (*смотрит на горящий факел и напевает старинную тюркскую мелодию. Потом произносит*):

Есть народ на далёких просторах Скифии,
К востоку от хладных струй Тауриса.
Страшны они, как полярные медведи,
Грязны их тела под одеждой,
Непокорны их души,
И живут они лишь добычей войны.
Глубокие раны наносят врагам
И хранят верность заветам погибших отцов...

...Ты спишь при факеле, я знаю.

Аттила: Огонь очистит от грехов и гадких мыслей. Ты много знаешь... Что ж не поёшь? Пой... Мне хорошо с тобой... и кажется, моя душа поёт ... хочу пригубить твою песню и тебя, хочу тебе открыться. Я тебе небезразличен?

Ильбика: Да это так, я буду откровенна. Ты болен?

Аттила: Лишь тобой... Ты слышала о Гаризонде? Так называли подземное русло, когда-то давно проложенное рекой. Там водятся диковинные животные и демоны, от одного их

вида всё вокруг трепещет, дрожит и замирает. Там дует ветер, факел гаснет.

Ильбика (*смотрит на гаснущий факел*): Как здесь?

Аттила: Он там уже не пригодится. Из глубины раздаются странные звуки. Боги приходят в ярость, если смертные приближаются к подземному миру. Я – смертный, хочу приблизиться, хочу в подземный мир! Я буду там царём!

Ильбика (*в страхе прижимаясь к нему*): Мне страшно за тебя и за империю. Тревожусь за тебя, мой повелитель.

Аттила (*обнимая её*): Не бойся! Все должны умереть рано или поздно, даже цари. Я знаю, что уже помечен смертью. У меня давно есть связь с потусторонним миром. Во сне я слышал голоса, меня касались бестелесные руки. Смерть на моих плечах, я чувствую её крылья. Скоро я буду царём в другом мире. Мои предчувствия никогда меня не обманывали. (*Пауза*). Ты должна стать моей сейчас. Поняла ли ты, что я тебе сказал?

Ильбика: Да, поняла.

Аттила: Твой ответ?

Ильбика: Нет.

Аттила: Нет, ты скажешь мне – да!

Ильбика: Когда перо утонет, когда всплывёт камень, тогда, быть может, соглашусь. (*Отходит от Аттилы. Пауза*). О, мой владыка, мой Аттил! Когда впаду в немилость, замени другой!..

Аттила (*закрывает ей рот рукой*): Молчи как ночь, как земля! Не говори... (*гладит её волосы*) Твои волосы как перья... Я думаю о тебе как о птице, поэтому как птицу поцелую! (*целует её*) Но почему так горек твой поцелуй? Когда твои глаза так смотрят на меня, ты будто копья мечешь в меня.

Ильбика: Тебе больно?

Аттила: Нет! Ты в гневе становишься ещё прекрасней, люблю тебя ещё сильнее! Твои карие молящие глаза напоминают мне орлиные.

Ильбика: Я знаю, чем помочь.

Аттила: Не надо помогать, никто мне не помощник... Уж поздно. Ты назвала меня Аттил, так лишь Онегезия меня зовёт, он мой помощник, мой министр! Герой, он добывает отвагой славу! И духи так меня ещё зовут...

Ильбика: У меня нет в мире никого. Отец и братья – все убиты, мать умерла. С собою ничего не взяли, всё здесь оставили... и про меня забыли (*плачет*). Меня нашли в степи твои воины. Жаль, что родители меня с собой не взяли. Беды, как злые птицы, слетелись, они теперь меня клюют, как вороны...

Аттила: Ты тоскуешь и вспоминаешь родину?

Ильбика: ...Степь широка, волнится как вода... Река – как ожерелье с зелёной ниткой и камнями. Седой ковыль, акация и дикий персик. Золотые пчёлы слетались на розовое серебро вишен. Каждую весну родители выезжали на кочёвку в степь с исхудалыми конями и блеющими овцами, сквозь солнце, пыль, траву. Их степь встречала. (*Плачет*). Косячный жеребец водил кобыл – свой гарем – на пастбище, на водопой и выбирал ночлег...

Аттила (*решительно*): Не плачь, разве для Аттилы есть в жизни что-то невозможное? Я всё могу, поверь!

Ильбика: Когда Солнце рано утром пробегает над моей степью, то я спрашиваю его: что ты видишь? Скажи мне, Солнце, всю правду... С весны в степи стоят шатры. Рассыпались овечьи стада, в траве ягнятся матки. Вдали – табуны коней. Я слышу, как ржут они, зовут. А дальше видны чёрные движущиеся точки – остроконечные шапки. Всадники едут в соседние кочевья, они будут есть баранину, пить кумыс. Когда спелый плод – понтик –

выжмут через ткань, и из него вытечет чёрный сок «асхи», они выпьют его с молоком... Смятая трава потом ярко зазеленеет, и всё опять станет весёлым и нарядным. Проснулась моя мать ... Помнит ли она ещё меня? А где отец, где братья? *(Пауза)*. Душа моя всё видит: она рано встаёт и капля по капле роняет слёзы, всё плачет и ждёт их целый день! Это горькая судьба.

Аттила: Судьба? Судьбу согну, как лук, тетиву оплету из твоих волос. Судьба! Ты будешь мне служить! Уйдём вдвоём! Не сопротивляйся дольше, ведь это не поможет! Священное не вправе мы разрушить!

Ильбика *(сжавшись в комок)*: Не понимаю, куда зовёшь меня?

Аттила: Любовь, как птица, свила своё гнездо. Ты похожа на летящего по небу журавля. Всё – как во сне! Ты улетишь, как дым. Уйдёшь в мои объятия, я – в твои. Ты – в голубом! Повозка из золота и из слоновой кости нас понесёт над миром, запряжена как тенью – великим чёрным жеребцом. Ты поделишь мою победу со мной на троне. Давно искал такую и не мог найти. И вот теперь нашёл родственную душу! О, радость меня переполняет всего, я не могу уже бороться с ней! Приди в мои объятия, не бойся их. Люби меня, даю обет, тебя я не оставлю.

Ильбика *(закрыв ему губы рукой, смотрит на Аттилу широко раскрытыми глазами, как зачарованная)*: Послушай! Должна тебе сказать, что я согласна...завтра стать жертвою Богов. Я готова, пускай меня возьмут...

Аттила *(изумлённо)*: Твоя улетающая душа направит стрелу! Боги укажут на то место, где я одержу победу. Стрела откроет истину, тебя же, как тетиву, натянут и разорвут... Твоё тело, руки, ноги... *(он смотрит на её ноги)*. Как малое дитя лежишь у ног неосёдланного скакуна. И если он раздавит тебя копытами, ты сломишься как ветка! *(пошатнулся)*. Кто яд подлил в мою любовь? Наверно, боги!

Ильбика: Я готова. Родители меня позвали, вижу, как они плывут по небу... Душа моя пошлёт стрелу. Достанусь Богу – он поможет тебе и родине моей. Возьми наш охотничий лук, он с другим изгибом, пронзает людей в доспехах и коня.

Аттила *(проникновенно)*: Так вот кого я полюбил? Дева, ты отважна и, как воин, готова к смерти!

Ильбика: Я жду её.

Аттила *(опускает голову, его руки дрожат)*: Мы оба ждём...

Ильбика *(поднимает глаза кверху)*: Возьми её, моя душа – твоя...

Аттила: Не делай этого, ведь ты мне так нужна!

Ильбика: Поднявшись в небеса, моя душа увидит всё. Она поймёт стрелу, которая летит...

Аттила: А как же я? Ты обо мне забыла! Зачем уходишь от того, кто тебя так любит? *(Пауза)*. Но вижу, слишком поздно тебя просить об этом. Не суждено тебе со мною быть! И я должен отдать тебя богам и... себя ...

(Аттила целует её, опускаясь на кровать).

Ильбика: Пусть будет то, что будет...

Аттила *(отворачивается)*: Уходи, тебя я не неволю *(медлит, держит её руку)*. Постой! Ещё есть время до утра тебе подумать...*(Пауза. Аттила пристально смотрит на девушку)*. Ты так решила? Ну... тогда иди! Что я могу, ведь так решили боги! *(Отпускает её руку, девушка уходит. За Аттилой закрывается дверь. Через некоторое время входит Зеркан)*.

Зеркан: Аттила умер! *(Пауза. Немая сцена)*.

(Распахивается дверь, вбегает Онегезия):

Онегезия: Император Рима убил сенатора Аэция в своём дворце. Война закончилась.

Зеркан (*печально*): Нет, началась.

(Комнату со всех сторон окружают звуки. Вокруг скрежет и лязг мечей и доспехов, доносится ржанье коней, крики гуннов: «Арчь, арчь! Ао!» Кажется, что Аттиле снится жестокая битва с римлянами. Гибнет его сын. Слышен звук римской букцины. Появляется тень Ильбики. Она с крыльями, в облике журавля, молча, недвижно стоит рядом с лежащим царём).

Занавес.